

Литература, 11 класс, муниципальный этап

Время выполнения – 5 часов.

Максимальное количество баллов за все задания – 90 баллов

Задание № 1 (70 баллов)

Выполните целостный анализ ОДНОГО из предложенных произведений (либо прозаического, либо стихотворного).

*Выполняя целостный анализ произведения **Татьяны Толстой «Про отца»**, примите во внимание следующие особенности его содержания и формы (поэтики): организация художественного времени в повествовании; специфика предметного мира и его функции в тексте; жанровая специфика текста; соотношение реального и воображаемого, достоверного и предполагаемого, яви и сна. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.*

**Татьяна Толстая
Про отца**

Отец взял манеру приходить в заячьей ушанке, в черном драповом пальто, под верхней пуговицей угадывается драный и колючий шарф в красную клетку. А может быть, и нет никакого шарфа. Тогда, значит, шелковая, еще довоенная рубаша, голубая в белую полоску. Они тогда так забавно шили: сзади, там, где лопатки, большая складка, для простора в размахе рук. Рубашка на спине надувалась парусом, и на стройность наплевать.

Я эту рубашку недавно нашла; разбирала старые чемоданы, еще из тех, что тяжелые сами по себе, без вещей, и по углам у них кожаные накладки. Там были прекрасные вещи, просто прекрасные: там были брюки из чудесного твида, явно заграничного происхождения, с широкими обшлагами. Цвет в целом словно бы сероватый, но твид такая вещь: если всматриваться близко, если поднести к глазам, то видишь и серый, и зеленую нитку, и красную крапку, и еще песочное что-то мелькнет, и скрип уключины, и маслянистый блеск тяжелой воды в Темзе, и жидкий, пляшущий отблеск фонаря на волне, и звук плеска, и сырой воздух, и шелковая плесень на бревнах.

Брюки кусачей шерсти, легкий томительный запах нафталинового шарика. Сейчас бы моль не посмотрела на эти глупости, съела бы брюки и шариком закусил; наглая пошла моль, напористая, и глаза у нее жесткие и внимательные. А в те годы, когда брюки закладывались в чемодан, а чемодан запикивался на антресоль, проживала другая моль, белая, основательная, со старинными манерами, с самоуважением, я полагаю, с тревогой о здоровье потомства: туда не ходите, там нафталин!.. Пойдемте в другой чемодан!

Брюки, стало быть; потом кальсоны, – уморительная вещь! На завязочках, на тесемочках! Спереди – еще и три пуговицы – честное слово – костяные, потрескавшиеся, обломанные. Детский пиджачок, плохо сшитый, с хлястиком на спине, тоже из твида, попроще. Чья-то красная шерстяная юбка-восьмиклинка. И рубашки, одна голубая в полоску, другая кофейная в полоску же.

Я полюбила голубую, хотя кофейная была ничуть не хуже. Но я полюбила голубую, небесную, вот поэтому, наверно, он в ней приходит. Но точно я все равно не знаю, я ни разу ее не видела: он не снимает пальто. А пальто он приунылся надевать драповое, с грубым ворсом, такое, какое он носил перед смертью, и заячья ушанка тоже из его последних лет.

Ему, наверно, лет тридцать пять, в сумерках сна не разглядеть возраста, но эта послевоенная худоба и общая ободранность, эта небрежность и беспечность, или, как он сам сказал бы, ноншалантность, эти очки в круглой оправе, очки, – первое, наверно, что я увидела на его любопытствующем лице, когда меня принесли из роддома, увидела и полюбила навсегда – вроде бы это признак того, что ему тридцать пять. Он младше моих детей.

Они-то знали его уже старым, с вечно больной поясницей, с обвисшей кожей лица и остатками седых волос, – как он это в себе ненавидел! Вглядывался в зеркало, побрившись и пригладив мокрой щеткой волосы, с досадой махал рукой: а!.. смотреть противно!.. и шел себе, царь царей, большой такой и тяжелый, пить кофе, а потом – на улицу, может, в университет читать лекцию, может, просто пройтись, в ужасной заячьей шапке, но с тростью.

Они знали его старым, они думали: дедушка; а я помню его молодым, быстрым, шумным; помню смеющимся над праздничным столом с бокалом красного вина, среди молодых смеющихся друзей. Помню, как он приходил посидеть у моей кровати перед сном и рассказывал про то, как устроен мир. Про орбиты электрона. Про волны и частицы. Про скорость света. Про то, что быстрее света лететь нельзя: у тела есть масса, и масса эта растет вместе со скоростью, до бесконечности. Телу нельзя, а свету можно.

Мне было лет десять, и я спрашивала: но из чего сделан мир? Из чего он сделан? Как будто можно было ответить на этот вопрос. Отец говорил мне про гравитацию, про энергию, про теорию относительности, про искривление пространства, про силы и поля, но это все было не то. Из чего он сделан, этот мир?

Он терпеливо вздыхал.

– Ну хорошо, если я скажу, что он сделан из меди – это как, годится? Из капустного сока? Тоже нет? Вот смотри: существует электромагнитное поле... Ты что, спишь?..

Я помню его веселым, конечно, смеющимся, но помню и гневным, несправедливым, мрачным; он боялся смерти, и мысль о ее неизбежности приводила его в дурное, раздраженное состояние духа, как если бы это была казнь и назначена была уже на завтра, и, конечно, никаких апелляций. Я уже была взрослой, я умела говорить, и я говорила ему, что смерти нет, что есть завеса, и за этой завесой – другой свет, сложный и прекрасный, а потом еще один, а потом еще; там дороги, там реки, там крылья, там шумящие на ветру деревья; там весна и белые цветы; я была там, я знаю, я обещаю. Он и спорил, и не верил, и хотел слушать еще и еще. Он говорил: к сожалению, я знаю, как устроен мир. Там нет места тому, про что ты говоришь. И я отвечала ему тем, что запомнила с детства: телу нельзя, а свету можно.

За месяц до смерти он решил поверить. Немного смущаясь – ведь глупости всё это – он сказал мне, что поскольку он, видимо, умрет раньше меня, то пришлет мне оттуда весть. Особый знак. Специальное слово. Расскажет, как там.

Никогда он меня не обманывал, никогда. Не обманул и на этот раз.

Во сне он приходит молодым, он приходит в драном драповом пальто, в заячьей ушанке, в одежде из будущих, еще не наступивших, предсмертных лет. По-видимому, ему все равно. Под пальто – шарф в красную клетку, но может быть, и нет. Или голубая, моя любимая рубашка. У него худое треугольное лицо доходяги из военных лет, круглые очки. Кажется, подошвы его не касаются пола, он словно бы висит в воздухе, словно бы покачивается, но я не уверена: там темно и плохо видно. Он смотрит внимательно и дружелюбно, я знаю этот взгляд, я узнаю его в живущих людях, узнаю и в снящихся, на этот взгляд я отзовусь всегда, встану и пойду ему навстречу.

Он что-то хочет сказать, но не говорит, что-то объяснить, но не объясняет. Мне кажется, ему смешно. Может быть, оказалось, что мир и правда сделан из меди и капустного сока, сложен в чемодан с накладными уголками и пересыпан нафталиновыми шариками, и это ничему не мешает – ни алмазному свету миллиардов звезд, ни кривому пространству, ни неподвижному времени, ни плеску волн, ни дорогам, ни любви.

Выполняя целостный анализ стихотворения **И. Анненского «Поэзия»**, примите во внимание следующие аспекты его содержания и формы (поэтики): субъектная структура стихотворения (кто и к кому в нем обращается? кто «ты» и «мы» («нас») в стихотворении); соотношение действительности и мира творчества, поэзии; обусловленность выбора сонетной формы; особенности акустической структуры текста (функции паронимии, ассонансов и т.п.). Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Иннокентий Анненский

Поэзия

Сонет

Творящий дух и жизни случай
В тебе мучительно слиты,
И меж намеков красоты
Нет утонченной и летучей...

В пустыне мира зыбко-жгучей,
Где мир – мираж, влюбилась ты
В неразрешенность разнозвучий
И в беспокойные цветы.

Неошутима и незрима,
Ты нас томишь, боготворима,
В просветы бледные сквозь,

Так неотвязно, неотдуманно,
Что, полюбив тебя, нельзя
Не полюбить тебя безумно.

(Опубликовано посмертно в 1923 г.)

Задание № 2 (20 баллов)

В романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» одна из бесед Базарова и Аркадия Кирсанова связана с обсуждением творчества Пушкина.

– Евгений! – начал печальным голосом Аркадий.

– А? что? не по вкусу? – перебил Базаров. – Нет, брат! Решился все косить – валяй и себя по ногам!.. Однако мы довольно философствовали. «Природа навевает молчание сна», – сказал Пушкин.

– Никогда он ничего подобного не сказал, – промолвил Аркадий.

– Ну, не сказал, так мог и должен был сказать, в качестве поэта. Кстати, он, должно быть, в военной службе служил.

– Пушкин никогда не был военным!

– Помилуй, у него на каждой странице: на бой, на бой! за честь России!

– Что ты это за небылицы выдумываешь! Ведь это клевета наконец.

– Клевета? Эка важность! Вот вздумал каким словом испугать!..

Зная характер и воззрения Базарова, сформулируйте три тезиса, которыми можно ему возразить, и аргументируйте их необходимыми поэтическими примерами или фактами пушкинской биографии. (Объем каждого тезиса вместе с примерами и доказательствами – 3-5 предложений).